



Елена Рахманова

Женское счастье

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=591495
Женское счастье: Центрполиграф; М.; 2008
ISBN 978-5-9524-3454-7

Аннотация

У Татьяны Завьяловой появился новый сосед по даче, подозрительный тип самого бандитского вида. Таня заволновалась: ведь на даче живет мама с приятельницами-пенсионерками. Как оставить беззащитных дачниц одних? Татьяна и две ее школьные подруги решили, что будут по очереди жить в летнем домике, чтобы в случае чего заступиться за старушек. Грубоватый сосед с ходу обозвал женщин «курицами» и намеренно держал с ними дистанцию. Но неожиданно для самого себя бывший военный обнаружил, что робкая и вечно всем угоджающая Татьяна привлекает его, как никакая женщина прежде...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Рахманова

Женское счастье

Глава 1

Все-таки школьные годы действительно счастливая пора жизни. Правда, это понимаешь по прошествии многих лет, когда начинаешь проникаться сочувствием к бедным учителям, симпатией ко всем без исключения одноклассникам и вспоминать большинство эпизодов из школярского прошлого с улыбкой умиления и щемящим сердцем.

Сердце на самом деле защемило, едва Ирина с Людмилой стали подходить к знакомому серому четырехэтажному зданию, все окна которого были ярко освещены и откуда доносились звуки включенных на полную мощность проигрывателей. Совсем как во время дискотек их детства и отрочества.

Ирина Олейникова была на полторы головы выше своей приятельницы. Темно-каштановые прямые волосы она любила собирать в низкий пучок на затылке, чтобы были видны серьги, которые Ирина предпочитала всем прочим украшениям. Русоволосая, с модной стрижкой до плеч Людмила Круглова рядом с подругой выглядела еще миниатюрнее. Такая Дюймовочка, но ее четкости, собранности и деловой хватке мог бы позавидовать любой коллега-мужчина. Она работала главным бухгалтером предприятия, и начальство во всем, что касается финансов, полностью полагалось на нее...

По коридорам школы бродили развеселые бывшие ученики всех возрастов одетые кто во что горазд – от дорогих офисных костюмов и вечерних платьев до застиранных джинсов и стоптанных кроссовок. Радостные вопли и крепкие объятия сопровождали встречи знакомых. Любопытными взглядами окидывались симпатичные незнакомцы, которые чаще всего оказывались выросшими учениками младших классов, на которых во время учебы не принято было даже обращать внимание. Зато вид одноклассников старших возрастов вызывал порой искреннее недоумение: неужели их еще что-то может волновать в этой жизни и заставлять резвиться, как первоклашек? Это в пятьдесят, а то и более лет!

Вот и заветная дверь с приклеенным скотчем листком с компьютерной надписью: «10 „Б“. Выпуск 1978 года».

Ирина с Людмилой открыли дверь и вошли. Внутри все, казалось, осталось по-прежнему. «Их литературный класс». На стенах портреты классиков русской и советской, ныне российской, литературы, напротив доски стеллаж с учебными пособиями и хрестоматиями, на подоконниках цветы в горшках. Только на партах вместо учебников и тетрадей пластиковые стаканчики, бутылки с минеральной – для отвода глаз – водой, конфеты, печенье. На учительском столе красуется незнакомая хрустальная ваза с букетом красных роз и полурастерзанный торт, явно домашней выпечки.

– Та-ак, это Танькиных рук дело, не иначе... – протянула Людмила, увидев кулинарное чудо, все в глазури и шоколадной крошке.

– Кто ж кроме нее способен на такое, – поддакнула Ирина, всегда поражавшаяся умению соученицы печь, жарить, варить и парить. – А где она сама?

Людмила с Ириной дружили класса с шестого. Затем, где-то в восьмом, к ним прибилась Татьяна. Последние три года в школе они были неразлучны и после окончания учебы поддерживали приятельские отношения. Во всяком случае, знали в подробностях, как у кого из них складывается жизнь.

На вечер встреч выпускников они выбрались впервые за последние шесть лет – прыти поубавилось, а семейные и прочие заботы грозили напрочь отбить желание радоваться чему

бы то ни было. И только стараниями Олега Шамшурина, ныне подполковника каких-то там войск, который добровольно возложил на себя нелегкую обязанность собрать всех однокашников, они вновь переступили порог родного класса.

Действовал Олег напористо и по-деловому, как и надлежит военному, отказов не принимал, четко распределил, кому что нести. В результате явились шестнадцать из двадцати восьми добравшихся до выпускных экзаменов в их классе. Это было сродни чуду, поскольку несколько человек уже не проживали в Москве, а то и в нашей стране вообще, а один – мир его праху – и вовсе не ходил по этой земле...

Припозднившихся Ирину и Людмилу встретили радостными криками. А сидящий на своем привычном месте в правом ряду Олег так энергично кинулся им навстречу, что застрял между столом и стулом, не рассчитанным на комплекцию взрослого, в меру упитанного мужчины, и с грохотом опрокинул последний.

– Ну наконец-то! – проорал он, добравшись до подруг, и принялся целовать их, щекоча русыми усами. Стало ясно, что он уже, что называется, слегка принял на грудь, и отнюдь не минералки.

Следом за ним подскочили «девчонки», и начались обязательные в таком случае расспросы, поцелуи, объятия.

– Эй, а где Танька Завьялова? – спросила Людмила, решительно прерывая поток изъяснений дружеских чувств и расспросов.

К ее вопросу отнеслись с пониманием – как-никак закадычные подруги.

– Вышла куда-то с Маргаритой Иосифовной. Пошептаться, наверное, – сообщила Флера Губайдуллина.

Весьма посредственная ученица, когда дело дошло до устройства личной жизни, она проявила массу ума, житейской сметливости и находчивости и теперь слыла самой материально обеспеченной и хорошо устроенной среди бывших одноклассников. Еще бы, жена заместителя руководителя одного крутого ведомства, занимающегося строительством в Московской области!

– А когда вернутся? – спросила Ирина, которой тоже не терпелось увидеться с Татьяной.

– Обещали через минуточку, – сообщил Олег, глядя на свои шикарные импортные часы. – Но было это полчаса назад, никак не меньше.

– Значит... – начала было Людмила, но подруга перебила ее:

– Значит, надо попробовать тортика, пока он еще в наличии.

– Резонно, – заметила приятельница, и все гурьбой устремились к учительскому столу, чуть не свернув вазу с цветами.

Маргарита Иосифовна, их бывшая классная руководительница, появилась еще минут через пятнадцать в сопровождении своей любимицы.

Когда кто-то при всем классе упрекнул ее в этом, Маргарита Иосифовна, нимало не смущаясь, ответила:

– Да, любимица. А почему, скажите на милость, мне не любить ученицу, которая выполняет все домашние задания, не опаздывает на уроки, не хамит и всегда соглашается позаниматься с отстающими после уроков?

Возразить на это было нечего, к тому же все искренне симпатизировали Татьяне Куреной, ныне Завьяловой, тихой, отзывчивой, доброжелательной девочке, в меру пухленькой, с восторженно распахнутыми глазами и с пушистой светлой косой. Поэтому и сейчас никого не удивило, что Татьяна с Маргаритой Иосифовной уходили пошущукаться. У них вообще сложились довольно доверительные отношения.

Поздоровавшись с пришедшими позднее всех прочих ученицами и наскоро порасспросив их о житье-бытье, бывшая классная руководительница отправилась домой, нянчить вну-

ков, не забыв преподнесенные ей розы. Теперь, без бдительного надзирающего ока, общение пошло веселее.

– Картина под названием «Братание русских с кабардинцами», – охарактеризовала то, что последовало дальше, острая на язык Ирина.

Действительно, говорили все разом, перебивая друг друга, смеялись все громче, хлопали друг друга по плечу, бутылки с «неминералкой» уже открыто держали на столе. Под конец, естественно, договорились встретиться ровно через год на том же месте в тот же час, причем искренне верили, что так оно и будет...

– Девчонки, а поехали ко мне! – предложила Ирина, поняв, что им всем троим очень не хочется расставаться и расходиться по домам. – Поговорим спокойненько, а то в этом бедламе даже толком не пообщались.

Они топтались в вестибюле вместе с еще несколькими десятками бывших учеников школы. На них лениво-добродушно поглядывал толстый дядька с вислыми усами в черной форме охранника. Видимо, он уже смирился со своей участью – не спать до утра. Впрочем, на его счастье, такие сборища устраивались раз в году и можно было потерпеть. К тому же его не обнесли угощением и выпивкой.

– Я бы не прочь, – ответила Людмила с затаенной радостью во взгляде. – Володька наверняка спит, а больше меня ждать некому. Я вам уже сказала, что дети у нас за границей?

– Уже сказала, – заверила ее Ирина и обратилась к Татьяне: – А ты как, поедешь?

Подруга задумалась, как всегда прикидывая, кому может понадобится в сей поздний час. Вышло, что сегодняшней ночью она никому не нужна и вольна располагать временем по своему усмотрению.

– С удовольствием, – наконец сказала она, но тут же добавила обеспокоенно: – А твоему мужу мы не помешаем?

– Не помешаем, – усмехнулась Ирина. – Я их с Нинкой отправила за город, провести бабушку.

– Да, как чувствует себя Нина Петровна? – поспешно спросила Татьяна с таким видом, будто, не узнав об этом раньше, совершила непростительную ошибку.

Подруга успокаивающе похлопала ее по плечу:

– Спасибо, просто замечательно. После истории с ядовитыми бочками прошлым летом она в деревне на правах Дельфийского оракула. А что еще нужно пожилым людям, как не внимание и не ощущение того, что к их мнению прислушиваются.

– Что за ядовитые бочки? Я ничего про них вроде не слышала, – заметила Татьяна.

– Ну, кто-то пустил слух, что на поле возле деревни, где мы купили дом, несколько лет назад зарыли емкости с отравой. Судя по всему, хотели таким образом выжить людей с насиженного места. Но мама с Нинулей вывели злоумышленников на чистую воду.

– Нина Петровна у тебя всегда была боевая! – подтвердила Людмила и скомандовала: – А сейчас все за мной! Я у вас одна сегодня на тачке!

Доставая из сумочки ключи, она устремилась к выходу, подруги за ней. Вскоре Людмила подвела их к стоящему в переулке рядом со школой оливкового цвета новенькому «фольксвагену» и, отключив сигнализацию, сказала:

– Залезайте! Дорогу до твоего дома, Ирка, я помню. Домчу без проблем!

И действительно, по ночной Москве доехали быстро, и место для парковки тоже нашлось. Уже начался дачный сезон, и большинство жителей окрестных домов по пятницам выезжали в свои загородные поместья, у кого какие были.

Ирина явно лелеяла надежду, что ей удастся заманить подруг к себе домой. Квартира сияла чистотой, тем не менее устроились в кухне, на угловом диванчике, обтянутом gobеленом зеленоватых тонов, перед столом светлого дерева, под самодельным абажуром. Най-

денный на помойке ржавый каркас был тайно пронесен в дом, приведен в надлежащий вид и обтянут гипюром. Вытканые на нем листики были затем обшиты золотистыми нитками, выдернутыми из кусочков, оставшихся после шитья кухонных штор. Сами листики по цвету и рисунку напоминали такие же на почти белых стенах.

– Ты просто Марья Искусница, – восхищенно произнесла Татьяна, любуясь абажуром. – Чем сейчас занимаешься? – Было ясно, что речь идет не о производственной деятельности.

– Нинке тоже абажур делаю.

– Такой же?

– Нет, нашла рисунок для вышивки крестом тысяча девятьсот восьмого года, теперь накупила ниток и творю... – объясняла Ирина, ставя на стол заранее купленную икру, нарезку, хлеб, зелень, фрукты и готовое печенье. Вкусное, но не идущее ни в какое сравнение с домашним. В довершение сервировки на стол была торжественно водружена бутылка мозельского. – Кажется, все, – подытожила хозяйка, усаживаясь за стол, и распорядилась: – Девочки, наливаем!

Началось то душевное общение, которое так скрашивает женщинам существование. Когда можно говорить, не боясь, что тебя неверно поймут, и когда не надо начинать с самого начала, растекаясь мыслью по древу, а сразу перейти к тому, чем хочется поделиться.

Сперва увлеченно хвалились друг перед другом успехами в делах и на семейном фронте, подкрепляя это фотографиями:

– Это мы с Володькой в Австрии, на горных лыжах катаемся. Я в красном комбинезоне, чтоб не спутали...

– А вот Ниночка со своим Димасиком отдыхают в Крыму...

– А это Анютины с Сергеем близняшки. Всего месяц, а какими смышленными выглядят, правда?..

– А это мой Павлик в Мексике. По следам, так сказать, Монтесумы...

Разглядывание снимков сопровождалось вполне искренними восторженными охами и ахами. Подумать только, вроде бы недавно школу окончили, а уже одна из них бабушка! Боже, как быстро летит время! Просто ужас...

– Ужас, как страшно и тоскливо, – вдруг промолвила Татьяна и обвела подруг глазами, в которых стояли слезы.

От неожиданности Людмила так и замерла, не донеся до рта бутерброд с красной икрой. Ирина же напрочь забыла, что встала, чтобы поставить чайник, и, растерянно ойкнув, снова опустилась на табурет.

К этому времени они уже выпили бутылку мозельского и приканчивали вторую – какого-то французского полусухого вина. Но это не могло стать причиной пьяных слез. Во всяком случае, для них не могло. Значит, прорвалось то, что лежало на самом донышке души, скрываемое не только от посторонних, но и от себя самой...

Да, никого мы не обманываем с большей старательностью и убедительностью, чем самих себя, обозревая свое место в жизни. Но до поры до времени.

Подруги притихли. Затем Людмила, самая решительная из них, несмотря на небольшой рост и хрупкое телосложение, отложила бутерброд в сторону и рассудительно начала:

– Танька, тебе просто грех жаловаться! Ну, посуди сама: мама здоровая, общительная, живет полноценной жизнью. Сын встал на ноги, имеет возможность заниматься любимым делом. Путешествует по всему свету, ездит куда захочет, делает потрясающие снимки, сама не раз показывала. Так что тебе надо?..

– Я жить хочу... по-человечески, а не заглядывать им в глаза и не угадывать их желания, – упрямо мотнув головой, сообщила Татьяна и, подперев щеку рукой, зарыдала.

Не разобрав толком, что к чему, подруги тем не менее тут же к ней присоединились. Слезы потекли в три ручья, принося облегчение и снимая внутреннее напряжение, хотя, казалось, еще несколько минут назад ничто не предвещало такой общей смены настроения. Хватило одного-единственного замечания...

Нет, их точно что-то объединяло, и не только общее школьное прошлое. Понимание пришло, когда кончились слезы: их жизнь не задалась, хотя внешне все было распрекрасно. И толчком к исповедальному разговору опять стали слова Татьяны, произнесенные горестным тоном и сопровождаемые отнюдь не великосветским шмыганьем носом:

– Мама, сын... да, у них все хорошо, а меня хоть кто-нибудь спросил, чего мне хочется? Неужели создавать условия для их безбедного существования – это то, для чего я родилась на свет, а, я вас спрашиваю?

Оказалось, что это вопрос, на который всем троим хотелось бы знать ответ.

– Думаешь, мне лучше, – неожиданно призналась Людмила и тяжело вздохнула. – Мне Володька изменяет, с секретаршей.

– Да ты что? – в один голос не воскликнули, а потрясенно выдохнули ее слушательницы.

Брак Людмилы все считали идеальным, да и как могло быть иначе. Трудолюбивый, симпатичный Володя – исполнительный директор одного научно-исследовательского института, вписавшегося в изменившиеся лет двадцать назад условия существования, – любил свой уютный хлебосольный дом и все тащил в норку, а не наоборот. Людмила – бухгалтер созданной при институте фирмы – была женой, матерью и хозяйкой, каких поискать. Зятя они приняли как родного сына и не раз струнили дочь Анюту, которая решительным характером пошла в мать. И вдруг такое признание!

– Не может быть, – покачала головой Ирина. – Володя тебя холит и лелеет. Он...

– Выходит, не меня одну, – прервала ее Людмила и надкусила отложенный было бутерброд.

– А ты твердо знаешь? Может, это все твои домыслы? – спросила сердобольная Татьяна, тут же перестав жалеть себя и переключившись на подругу. – Никогда бы не подумала...

– Вот и я не думала, пока из их институтской бухгалтерии не позвонили и не сказали...

– Так прямо и заявили? – удивилась Ирина.

– Нет, что ты! Просто «по-дружески» намекнули, что Володька не один допоздна засиживается на работе, а со своим офис-менеджером...

– А это кто такой? – не поняла слегка отставшая от современной жизни Татьяна.

– Не такой, а такая, – объяснила Людмила. – Это секретаршу так теперь принято называть. А функции у нее те же, что и прежде. Одним словом, секретутка.

– Ты ее хоть видела? Может, страхолюдина, каких свет не видывал, и с твоим благоверным у них чисто служебные отношения? – предположила приятельница.

Людмила вздохнула:

– В том-то и дело, что видела. На голову выше Володьки, так что может лицезреть его лысину во всей красе. Ножищи бесконечные и вся из себя как на картинке из модного журнала. Не говорит, а поет, не ходит, а плывет...

– А ты с мужем поговорить пробовала? – спросила Ирина, выдержав сочувственную паузу.

Людмила кивнула:

– Пробовала, не в открытую, конечно, чтобы в случае чего себя душой не выставить. А он смотрит на меня и вроде бы не понимает, о чем это я талдычу. Вот и не знаю, что делать: то ли послать все к черту и развестись, то ли потерпеть еще немного.

Ее подруги приумолкли, ища ответ на такой непростой вопрос. Но тут Людмила продолжала:

– Я бы развелась, но как Анюте объяснить почему, ведь не поверит. Она же в папулечке души не чаёт. Да и были бы они рядом, все проще, а так жди, когда в отпуск приедут... Господи, ну кому нужна эта чертова заграница? – воскликнула она. – Внуков своих увидела только на фотографиях, а я их на руках подержать хочу, и не только когда их родители в отпуск приедут!

Ирина задумалась. По сравнению с проблемами Людмилы и Татьяны у нее все вроде бы складывалось неплохо. Однако выглядеть благополучной было как-то неловко из-за несчастных подруг. К тому же ее жизнь все больше напоминала существование, не приносящее душевной радости и внутреннего удовлетворения.

– Ох, девочки, чем-то мы все судьбу прогневили, – произнесла Ирина и мгновенно прониклась сочувствием к самой себе.

Подруги тут же выжидательно уставились на нее, словно действительно пришла ее очередь для откровенного признания.

– Даже не знаю, с чего начать, – честно сказала Ирина. – Вроде бы у меня на первый взгляд все хорошо. Ниночка вполне самостоятельная, живет отдельно, зарабатывает неплохо. С Димасиком со своим ладит. Как только Сева заболел, я тут же уволилась и работаю дома. Когда хочу – встаю, когда хочу – ложусь...

Все знали, что Иркин муж, известный тележурналист, был на семнадцать лет ее старше и, по состоянию здоровья лишившись возможности заниматься любимым делом, впал во вполне оправданную депрессию и теперь в семье был на положении любимого всеми балуемого малыша.

– А на самом деле бегаю как соленый заяц по редакциям, пристраивая иллюстрации. Я же вижу, что мои на порядок лучше, но у них там свои взаимоотношения: кто-то кому-то что-то должен, кто-то троюродный племянник начальника производственной части и тому подобное... Эх, – Ирина вздохнула, – и ведь поплакаться в жилетку некому: у всех свои проблемы, всем хуже, чем мне.

– Ну, у тебя же Нинуля такая заботливая, – встряла Татьяна.

– Заботливая... в точно отведенное для этого время. А в остальное решает проблемы прямо-таки государственного масштаба, не подступись...

Теперь тяжело вздохнули все трое.

– И что самое обидное: стараюсь, чтобы и в доме было уютно, и лишних денег не истратить. Так они над моим рукоделием смеются.

Если и похвалят, то задним числом. Я что, виновата, что каждую тряпочку, каждую железку могу к делу пристроить, а? Мне же так нравится из ничего сделать конфетку...

Подруги словно по команде подняли взгляд на абажур – пышный, как криолин, изящный, как фата невесты.

– Но никто моих стараний всерьез не принимает. Я чувствую себя отжившей свой век, нелепой старухой, которая хочет любой ценой привлечь к себе их внимание. Клюшкой, как называет меня иногда в шутку Нинка.

– Да ты что? – не поверила Татьяна. – Так прямо и называет? Да меня мама за такое со свету сжила бы или сама слегла бы с сердечным приступом!

Татьянина мама Полина Денисовна по виду была старушка божий одуванчик. Не больше полутора метров росточку, с пучочком на затылке, никогда в халате и непременно на улице в шляпке. Даже летом. Ходила она мелкими шажочками, громко не разговаривала, предложения строила правильно и ругательных слов, упаси господи, не употребляла. Однако ее упрямству и непреклонности мог бы позавидовать любой старшина стройбата. Доста-

точно было строгого взгляда из-под сведенных вместе бровок, как тут же хотелось встать по стойке «смирно» или, подобострастно согнувшись, спросить: «Чего изволите, сударыня?»

Это сказывалась беспорочная служба в течение сорока лет на посту учителя математики и по совместительству завуча школы. «Из моих учеников вышли несколько руководителей научно-исследовательских институтов, даже лауреат Нобелевской премии. О простых докторов и кандидатах наук я уж и не говорю», – любила повторять не без гордости Полина Денисовна. Ха! Попробовали бы они выйти куда-нибудь еще, когда их наверняка до гробовой доски будет преследовать бескомпромиссный, требовательный, пронизывающий насквозь взгляд математички...

– Ладно, хватит о грустном! – воскликнула Ирина, вспомнив, что хорошей хозяйке негоже давать гостям печалиться. – Можно подумать, у нас и повода для радости нет! Селе тут привезли ликерчик, обалдеть можно! Щас принесу...

– А он возражать не станет? – спросила вдогонку Татьяна.

– Да кто ж его знает! – легкомысленно бросила Ирина. – Может, и станет, да поздно будет. И потом, не мужское это питье – ликер. У него и виски, и коньяк имеется.

Плоская круглая бутылка как бы состояла из двух – со светлым и с темным содержанием. Тут же стали варить кофе, залили плиту – и пришли в хорошее расположение духа, словно и не было тоскливых исповедей и сетований на происки судьбы и нечутких родных и близких. «Как же замечательно, что мы встретились, и как чудесно проводим время, – звучало рефреном всех последующих высказываний и тостов. – И как хороша жизнь!»

Но слова, как говорится, из песни не выкинешь...

Глава 2

– Ну, передавала тебе привет, ну, сказала, что маму с ее подружками-старушками выводит на дачу...

Уткнувшись носом в спину мужа, Ирина рассказывала, о чем поведала подруга в сегодняшнем телефонном разговоре. Сева слышал, но не слушал, занятый мыслями о вечернем телесюжете в «Новостях», посвященном некоему историческому событию, непосредственным участником которого он был. О разговоре с подругой муж спросил из чувства долга, и Ирина знала, что ответ ему малоинтересен, посему не вдавалась в подробности.

А подробности были на любой вкус – и умилительные, и тревожные, и вовсе вгоняющие в дрожь. К первым относились сборы на дачу трех приятельниц весьма преклонного возраста: Таниной мамы и ее подружек – бывшей примы-балерины театра Станиславского и Немировича-Данченко Августы Илларионовны Потемкиной и поварихи по образованию и призванию Анны Дмитриевны Осмеркиной. Последняя была твердо уверена, что какой-то там театрик, где дрыгают ногами, не чета ее столовой на Старой площади. «На балет могут попасть все кому не лень, тогда как в наше заведение без пропуска и муха не пролетит», – не раз и не без гордости повторяла она, и ведь была права.

Трех летних месяцев за городом старушки ждали всю зиму как манну небесную и вкладывали массу энергии и сил, упаковывая нужные вещи, строя планы на будущее, предвкушая удовольствие от общения. Обе были бездетны и одиноки. Балерина пожертвовала ребенком ради карьеры и мужа – художественного руководителя труппы. Который, впрочем, со временем увлекся молоденькой балеринкой из кордебалета и ушел от постаревшей и уже не танцующей жены, едва стало известно, что он станет папой. У ныне вдовой поварихи было аж трое мужей, но ребенка Бог почему-то ей не дал. И летом всю свою заботу и внимание они обрушивали на бедную Татьяну.

Та с ужасом представляла, как снова придется таскать на всех продукты и постоянно думать, как бы чего не случилось с хрупким здоровьем ее подопечных. А тут еще выяснилось, что провалилось крыльцо – значит, старушки, чего доброго, могут сломать ногу.

На робкий вопрос «Не можешь ли починить?» сын Павлик, накачанный парень двадцати четырех лет, ответил, что где-то в Гватемале ожидается извержение вулкана и мир без его снимков ну никак не обойдется. Вылетает на днях, просто забыл предупредить. Татьяна тут же поняла, что сгнившие доски не идут ни в какое сравнение с потоками лавы, облаками вулканического пепла и ожиданиями многих и многих любознательных жителей планеты. Даже устыдилась своей неуместной просьбы...

Накануне, размышляя, к кому бы обратиться за помощью, она сидела на ступеньках злополучного крыльца, кутаясь в старую кофту, когда в поле ее зрения попал мужик, прохаживающийся по соседнему участку.

«Ага! – обрадовалась Татьяна. – Не иначе как у Семеновны объявился родственник. Он-то мне и нужен. Такой точно знает, за какой конец держат молоток!»

Татьяна поднялась, отряхнула джинсы и вальжной походкой прогуливающейся барышни направилась к покосившемуся темно-серому забору, разделяющему участки.

– Добрый день, – начала она, лучезарно улыбаясь. – А вы погостить приехали или как?

– Или как. – Он остановился на том месте, на котором застал его вопрос, и Татьяна смогла разглядеть мужика получше.

Увиденное ее расстроило, как, впрочем, и реакция на безобидное приветствие. Приблизительно Татьяниного возраста, незнакомец был мускулист, широк в плечах и смугл, но не от природы, а оттого, что много времени успел провести на свежем воздухе. Не брился он

дня три, не стригся – с пару месяцев. Одет был в тренировочные штаны, тенниску, только на значительном расстоянии казавшуюся белой, и кроссовки. Массивная золотая цепь на шее и перстень-печатка на пальце дополняли туалет, на взгляд Татьяны несколько диссонируя с общим стилем одежды.

Мужик же, видимо, считал иначе и, проведя ладонью по груди, как бы проверяя, на месте ли «голда», поинтересовался:

– Чё надо?

Так сразу переходить к делу молодая женщина не решилась, а от продолжения беседы отбил тон мужика – грубый и неприязненный.

– Я... я... просто я поздороваться хотела... – Татьяна смущенно умолкла и, опустив глаза долу, еле слышно закончила: – Простите.

– Да не за что, – милостиво ответил незнакомец и, повернувшись, вразвалочку направился к дому, такому же доходяге, как и Татьянин.

Их участок был угловой, и забор часто валили машины, не смогшие или не пожелавшие вписаться в поворот. Территория заросла бузиной и елками. Хвоя в некоторых местах так густо усыпала землю, что не давала расти траве. Те несколько грядок, что удалось отвоевать у фактически дикой природы, давали весьма скудный урожай лука, редиски, салата и огурцов, но на лето хватало всем обитателям дома. Созревающие клубничины можно было пересчитать по пальцам, и каждой долго любовались, прежде чем сорвать. От теплицы остался лишь темно-серый остов, с трепещущими на ветру обрывками пленки, который облюбовали местные кошки под отхожее место.

У Семеновны, напротив, садово-огородное дело было поставлено на широкую ногу, поскольку она с детства была приучена к сельхозработам и жила на даче постоянно. Вроде бы ее комнаткой в коммуналке уже давно завладела родня бывшего мужа, а больше никого из близких у нее не наблюдалось.

«Где же она сейчас, когда уже начали копать грядки?», «Кем ей приходится небритый мужик?» – эти вопросы не могли не тревожить Татьяну. «А если он останется тут на все лето, то не помешает ли моим бабушкам? Вдруг к нему компании начнут приезжать с шашлыками, выпивкой и девицами?» Хотя здесь уместнее было бы сказать «бабами»...

Татьяна отошла от забора, опустила на садовую скамейку, которой было сто лет в обед, и задумалась над сложившейся ситуацией, в которой оказалось меньше известных, чем неизвестных. Взять, к примеру, хотя бы мужика.

Тот неожиданно оказался легок на помине.

– Эй, как вас там, поди сюда! – раздался оклик с той стороны забора, и Татьяна, вздрогнув, подняла голову. К ней еще никогда не обращались в такой форме, причем одновременно и на «ты», и на «вы».

Однако она поднялась и, приблизившись к незнакомцу, вежливо сказала:

– Да, я вас слушаю.

Мужик почесал шею, нахмурил лоб, затем произнес:

– У вас это... забор не на месте. Надо перенести.

– Куда перенести? – оторопело вымолвила Татьяна.

– На вашу территорию. Оттяпали мои полметра по всей длине. Я мерил, – безапелляционно сообщил малопрятный собеседник.

Участки членам дачного кооператива «Энергетик» выдавались бог знает когда, громадные по современным меркам, и каких-то полметра показались Татьяне сущей ерундой. Но перенос ограды никак не входил в ее планы, прежде всего потому, что был ей не под силу. Да и с какой это стати расставаться со своим кровным по одному только слову какого-то небритого типа!

– Ничего не знаю, – сдержанно заявила она. – С Натальей Семеновной у нас никогда никаких проблем с забором не возникало.

– Так возникнут со мной, – заверил ее мужик и впервые посмотрел Татьяне в лицо.

Она невольно поежилась и отступила на шаг. Взгляд был жесткий, холодный. Неуютный какой-то взгляд, подчеркнуто неинтеллигентный. К такому Татьяна не привыкла ни в своей институтской, ни в домашней среде.

– Да, участок теперь мой, и ваша Наталья Семеновна здесь уже ни при чем, – добавил он, ухмыляясь, и неожиданно представился: – Я Гоша, будем знакомы.

У Татьяны похолодело в груди, когда она услышала про соседку. Мысли одна ужаснее другой пронеслись в голове. Известно, как сейчас обходятся с одинокими стариками типы вроде ее нового знакомого... Знакового? Ну да, он же назвался.

– Простите, как вы сказали вас зовут? – переспросила она, настолько потрясенная известием про Семеновну, что не расслышала имени мужика.

– Гоша. Что, плохо слышишь? – Он осклабился. – А вас как звать?

– Татьяна... Татьяна Валентиновна, – поборов дрожь в голосе, сказала она. – Георгий, а по батюшке?

Не тут-то было.

– Просто Гоша. Давай без церемоний, как-никак теперь соседи. Лады?

Татьяна обреченно кивнула. Здесь ей больше нечего было делать. Все, что нужно, она узнала, ей бы только прийти в себя от свалившегося на нее известия. Три старушки, давно живущие под ее опекой и не очень-то соприкасающиеся с печальными реалиями современной жизни, окажутся бок о бок с этим Гошей! – было от чего прийти в отчаяние.

– Простите, у меня дела, – промямлила Татьяна, вся во власти тревожных дум. – Я, пожалуй, пойду...

– Иди-иди, – разрешил Гоша и проводил удаляющуюся женщину оценивающим взглядом.

Она не была любительницей посещать всякие там салоны и студии красоты, но природа и гены сделали свое дело. Татьяна выглядела очень даже привлекательно со своей статной, чуть полноватой фигурой, пушистыми, коротко стриженными волосами и ясным открытым взглядом светло-серых глаз. Постоянная забота о близких и желание достойно выглядеть в их глазах, особенно в глазах друзей и подружек сына, не давали ей расслабиться и заставляли держаться в форме. К тому же опрятно одетая и причесанная, она чувствовала себя много лучше, чем неприбранная или патлатая...

Татьяна брела к дому вздыхая: все одно к одному, пришла беда – отворяй ворота, беда никогда не приходит одна и так далее в том же духе. Вечером, уже из Москвы, когда Полина Денисовна видела десятый сон, она поведала обо всем Ирине. Поначалу легче не стало, но подруга тут же задумалась, явно прикидывая, чем можно помочь.

– Ну, крыльцо – это пустяки. Если найдутся подходящие доски, мы и сами его починим. А вот этот Гоша действительно внушает опасение. Но ничего, глядишь, сообща справимся, – бодно сказала она.

Трубку Татьяна повесила более-менее успокоенная. Подруга знала, что для Ирины состояние паники является побудительным мотивом к действию, а она ее весьма напрягла своими проблемами. «Мне лучше работается с приставленным к виску пистолетом», – не раз говорила подруга, подразумевая поджимающие сроки и полное отсутствие идей в голове. Но в контексте сложившейся у Татьяны ситуации слово «пистолет» приобретало оттенок пугающей реальности. Впрочем, было неизвестно, имеется ли он у Гоши, но и без него тот способен был произвести весьма устрашающее впечатление. Особенно на них, бедных беззащитных овечек.

Своего мужа Ирина наверняка тревожить не стала бы, опасаясь за его здоровье. А Татьянин исчез с российского горизонта, когда Павлику только-только пошел второй год. Ранний, заключенный еще на третьем курсе химико-технологического института брак принес свои плоды: сына и скоропалительный развод. Красивая и смелая, как поется в песне, увела талантливого мужа-химика из семьи, поманив интересной и денежной работой в Германии. Теперь старший Павел видел младшего, только когда приезжал в отпуск на родину или приглашал сына погостить. Так что на него надежды не было никакой, а своего родненького мальчика тревожить по пустякам не хотелось. «Извержение вулкана в Гватемале – это вам не фунт изюма», – решила Татьяна.

На следующее утро, выписывая бороду свирепого Карабаса-Барабаса – он ей особенно удался, возможно, после вчерашнего разговора о новом соседе подруги, – Ирина продолжала размышлять о бедственном положении последней. Если она закончит оставшиеся четыре иллюстрации дня за три и отнесет их в издательство, где их благосклонно примут, то на субботу или воскресенье можно будет отпроситься у мужа. Именно отпроситься.

Сева всегда заявлял, что она вольна поступать как ей заблагорассудится и не обращать на него никакого внимания. Но стоило ей заикнуться о выставке или о дне рождения кого-то из знакомых, тут же впадал в меланхолию или хватался за сердце. Составить же жене компанию он всегда отказывался: столько перевидав на своем веку, что иному и не снилось, он, казалось, решил теперь похоронить себя в четырех, образно говоря, стенах их большой квартиры. Перечитывал статьи, смотрел фотографии, видеоролики. Писал «в стол» мемуары, хотя, если удавалось его разговорить, рассказывал так, что заслушаешься...

– Милая, но разве я тебе когда-нибудь хоть в чем-нибудь отказывал? Ты взрослый человек, тебе решать, – говорил он и вздыхал так, словно жить ему осталось всего ничего. Уж жена-то точно видит его в последний раз.

Как уже упоминалось, кроме работы Севу мало что интересовало. Это было и хорошо и плохо. Хорошо – когда он работал, и плохо – когда был вынужден выйти на пенсию. Теперь жена должна была ежечасно находиться при нем, так ему было спокойнее и комфортнее. К тому же он не мог ее не ревновать. Высокая, стройная, длинноногая, она выглядела уверенно, даже когда душа уходит в пятки, Ирина могла и умела произвести впечатление. Даже ее года были здесь не помехой, ведь любви все возрасты, как известно, покорны... А уж чувственному влечению и того больше. И все это было прекрасно известно Всеволоду Ивановичу Олейникову, некогда большому дамскому угоднику, коим он и остался до сих пор в душе.

Ирину он увидел на одной из встреч творческой интеллигенции в Колонном зале и сразу же положил на нее глаз, хотя раньше строго следовал правилу не знакомиться ни на каких официальных мероприятиях. Но нет правил без исключения, сердцу не прикажешь... Словом, народная мудрость всегда поможет оправдать любой поступок. Знакомство, в котором Севе пришлось проявить поначалу настойчивость, привело к браку и рождению дочери Ниночки, названной так в честь ее бабушки Нины Петровны.

Муж-журналист и энергичная самодостаточная дочь – старший менеджер в преуспевающей фирме – составляли вместе с Ириной, тоже вроде бы небесталанной, почти образцовую ячейку общества. Почти – потому что поговорить по душам в этой ячейке Ирине было то и не с кем. Разве только с мамой или с голубым волнистым попугаем Ромулом, который очень любил наблюдать за созданием иллюстраций. А то и участвовать в нем, плюхнувшись с размаху на лист с еще невысохшим акварельным рисунком.

Тут же возникало вполне оправданное желание свернуть ему шею. Но Ромочка, потоптавшись на рисунке и придав ему хвостом завершающие штрихи шедевра, произносил проникновенно «пу-у» и начинал задушевно курлыкать о своем, наболевшем. О белоснежной Манечке, которая сгоняет его с кормушки, не дает качаться на качелях, но, когда приспичит,

требует ласки и внимания. И ведь получает все в избытке, как и прочие красивые, стервозные, много мнящие о себе особы женского пола...

Сейчас Ромул вместе со своей возлюбленной супругой – «белой мараказиной» и «мерзкой сколопёндрой», как в сердцах называла ее Ира, – дышал свежим воздухом в деревне в компании с Ниной Петровной. Так что на их совет рассчитывать было нечего. А муж все равно назвал бы их с подругой страхи очередным женским бредом, не стоящим выеденного яйца, даже если бы она и решилась ему обо всем рассказать. Поэтому на ум пришло только одно: посоветоваться с Людмилой. Она в их компании слыла самой трезвомыслящей и рассудительной.

Удалившись в кухню, чтобы не быть уличенной в сознательном желании смотаться на выходные из дома, Ирина набрала знакомый номер.

У подруги как раз выдалась «свободная минуточка», и спустя всего четверть часа она уже знала о свалившихся на Таньку несчастьях. Причем сгнившее крыльцо привело ее в не меньший ужас, чем заросший, нечесаный сосед, возможно прикончивший бедную Семёновну. Людмилин муж Володя был мастер на все руки, и она не знала, что значит исправить электропроводку, забить гвоздь или починить водопроводный кран. Он даже собственноручно сделал наличник для заднего окна их дома в деревне, похожий на те, что украшали фасад!

Однако сейчас Людмиле очень не хотелось просить мужа о чем-либо. Тем более он опять, как выяснилось, заявил, что в выходные ему придется поработать.

Поразмыслив, подруги решили вместе поехать на дачу к Татьяне, на месте разобраться, что к чему, и тогда уже соображать, как действовать дальше. Сообщить об этом ей взялась Ирина.

– Ой, девочки, даже не знаю, как вас благодарить! – воскликнула она, узнав о неожиданных помощниках. – А то я уже ночами не сплю, вся извелась! Если бы не мама с ее приятельницами, ноги бы моей там больше не было! Вдруг этот Гоша – бандит?

– Может, не так страшен черт, как его малюют, – предположила Ирина, зная, что подругу любой пьяный приводит в трепет, а матерящиеся школьники младших классов вызывают слезы ужаса и недоумения.

– Как бы мне этого хотелось! – воскликнула Татьяна, наверняка прижав руку к груди, и тут же сменила тему: – Вы только ничего из еды с собой не берите, я все приготовлю!

У нее были природные кулинарные способности, развитые под руководством Анны Дмитриевны, поэтому известию можно было только порадоваться. Но вот о напитках следовало позаботиться самим. Нельзя было доверять столь ответственное дело робкой, застенчивой Татьяне. Да она могла и не подумать о них.

– Держись! – посоветовала ей Ирина и сказала, что о том, когда и где встречаются, договорятся ближе к выходным.

– Милая, – раздалось из комнаты, едва она положила трубку, – ты мне минеральной водички не принесешь? А то что-то в груди жжет, и вообще мне сегодня не по себе...

– Наверное, это из-за перемены погоды! – крикнула из кухни Ирина, подходя к холодильнику, и подивилась мужнину чутью.

«Теперь придется быть тише воды ниже травы, – подумала она, – чтобы заработать себе „отгул“». Конечно, можно было бы пригласить мужа с собой на дачу, не посвящая в подоплеку этой вылазки на природу, но он все равно отказался бы. В кресле перед телевизором гораздо удобнее, чем в непротопленном после зимы доме или в окружении злых голодных комаров на участке. Вот если бы все было как тогда, на ежегодной выставке скота в Техасе, где его угощали огромным бифштексом, зажаренным прямо при нем. Яркое солнце, нарядно одетые женщины, мужчины в дорогих костюмах и «стетсонах», призовые быки и

коровы, на стоянке – роскошные автомобили. Их по радио представили как советских журналистов, и собравшиеся наградили оглушительными аплодисментами и приветственным свистом. Тогда еще Россия, точнее, Советский Союз, не воспринималась как родина мелких рэкетиров, ставших впоследствии владельцами крупных банков, и безголосых полуголых певичек, зарабатывающих побольше иных оперных примадонн.

– Уже несу, зайчик, – пропела Ирина, появляясь со стаканом в дверях комнаты. – Может, еще чего-нибудь?

– Спасибо. Больше ничего пока не надо, – сдержанно поблагодарил ее муж и добавил: – Если что, я позову.

Благоверная состроила кислую мину за его спиной и нежным голосом ответила:

– Конечно, милый...

Глава 3

Ирина с Татьяной встретились в субботу в десять утра у метро «Проспект Мира», где их подобрала Людмила на своем «фольксвагене». У Татьяны машины отродясь не водилось, а Павликину она своей не считала, да и не часто на ней ездила. Ирина же была уверена, что вождение не для нее: пока сообразит, где право, где лево, или в нее врежутся, или она врежется. Зато еще в институтские годы ей удалось осуществить свою заветную мечту: научиться ездить верхом на лошади. Тогда это было непростым делом, не то что сейчас. И полтора года, что она посещала школу верховой езды при Московском ипподроме, Ирина всегда вспоминала с блаженной улыбкой на губах. Никаких тебе рулей, педалей и рычагов, только непосредственный контакт с умным чутким животным...

Трасса в этот день и час была несильно загружена, обошлось без пробок и рискованных ситуаций. И час спустя Людмилин автомобиль уже затормозил перед широкой деревянной створкой ворот в престижном сейчас ближнем Подмоскowie, на улице, по-прежнему именуемой «Имени 50-летия Ленинского плана ГОЭЛРО». О чем и сообщала проржавевшая табличка на заборе.

Татьяна пошла открывать. А Ирина вылезла из машины и, потянувшись, произнесла:

– Господи, как же мне всегда хотелось иметь дачу!

– И что тебе помешало? – поинтересовалась Татьяна, оборачиваясь. – Деньги вроде бы были.

– Были, – со вздохом подтвердила Ирина. – Только Сева заявил, что дачи раньше были нужны только для того, чтобы на них мыть машину. А раз настроили моек, то лучше отдыхать на всем готовом в пансионатах или на курортах.

Створка со скрипом отворилась.

– Прошу! – сказала хозяйка «усадьбы» и сделала приглашающий жест рукой.

«Фольксваген» медленно перевалил через дренажную канавку, въехал на участок и остановился у крыльца. Серый с двускатной крышей и закрытыми ставнями дом выглядел уныло. Но наверное, не для Татьяны, которая помнила его с детства, поэтому и смотрела на него всегда с любовью и умилением. Теперь предстояло решить, с чего начать. Почему-то очень не хотелось действовать согласно поговорке «кончил дело – гуляй смело». Гулять нестерпимо хотелось уже сейчас и ни о чем больше не думать.

Кусок девственного леса, пение птиц в кустах, свежий ветерок, колышущий нежные нарциссы, – все это располагало к тому, чтобы разместиться в голубой беседке и разложить привезенные с собой припасы. В самом доме наверняка еще было пыльно и промозгло. Но все трое одержали победу над собой и твердым шагом направились к крыльцу.

Посреди квадратной площадочки, к которой вели три, к счастью, добротные ступеньки, красовалась дыра с неровно обломанными краями. Обозрев ее, Татьяна и Людмила уставились на приятельницу с надеждой во взоре.

– Вообще-то ничего страшного, – изрекла Ирина с видом знатока, но тут же подготовила себе путь к отступлению, заметив: – Если, конечно, найдутся нужные инструменты и подходящие доски.

– А где их искать? – спросила владелица дома, полностью снимая с себя ответственность за решение данной проблемы.

– Ну, в сарае каком-нибудь... У вас же, кажется, был сарай? – вопросительно произнесла Ирина, обернувшись к подруге.

Та, только на минуту задумавшись, обрадованно воскликнула:

– Был и есть! Это за домом!

Туда направились все вместе, прогулочным шагом, будто впереди было невесомое время и приятное развлечение с пилой и гвоздями в руках.

– Вот! – гордо указала Татьяна на хлипкое сооружение под шиферной крышей, с одного бока скрытое зарослями малины. – Там наверняка найдется все, что нужно!

Нашарив ключ над притолокой, она с натугой открыла большой висячий замок – и дверь, взвизгнув, тут же провалилась внутрь, повиснув на одной петле. Подруги с опаской заглянули в сарай. Сквозь дыры в стенах и крыше проникал свет. Поленица дров, ржавые ведра, дырявые кастрюли, велосипед с одним колесом, зато над ним на стене висят сразу три запасных. У самой двери справа то, ради чего сюда пришли, – верстак с тисками, а на нем инструменты и металлические баночки из-под кофе, видимо с гвоздями и винтиками. Все разложено по порядку, но в пыли и паутине. Видно, в последний раз здесь работал Татьянин папа.

За исключением двери, все выглядело достаточно прочным. Во всяком случае, могло простоять еще пару месяцев, не завалившись на сторону, поэтому Ирина отважно шагнула к верстаку.

Покопавшись на нем, она выбрала молоток и горсть гвоздей. Затем оглянулась в поисках досок. То, что подходило по размеру, оказывалось гнилым, а более-менее крепкие деревянные были ужасно малы. Зато в углу стоял письменный стол пятидесятих годов – с крытой коричневой дерматином столешницей и о трех ножках.

– А он вам очень нужен? – поинтересовалась Ирина.

Татьяна пожала плечами:

– Это тетя Маруся привезла и попросила сохранить до поры до времени.

– Может, позвонишь ей и спросишь, нельзя ли пустить на запчасти?

– Она уже лет восемь как на Ваганьковском, так что вряд ли ответит, – вздохнула Татьяна.

– А наследники у нее остались? – продолжала допытываться Ирина.

– Остались, – сообщила подруга. – Я.

– Так чего мы тут стоим, время теряем?

Этот вопрос не требовал ответа.

Наплевав на пыль и паутину, они втроем потащили стол к крыльцу. Затем Ирина вернулась за инструментами. Вместе с молотком и гвоздями она принесла выдавшую виды пилу.

– Учтите, это елка, – сообщила она с видом Страдивари, приступающего к изготовлению очередного скрипичного шедевра.

– И что с того? – спросили подруги хором.

– Пилиться будет плохо.

Не то слово, отбитая от остальной части стола столешница вообще отказывалась пилиться тупой ржавой пилой.

Руководящим тоном Ирина отдавала распоряжения, советовала, поучала. Потом, махнув на бестолковых помощниц рукой, сама взялась за дело.

– Нет, я все-таки не умею работать с ассистентами, – сообщила она, когда нужный кусок столешницы наконец-то оказался в ее руках.

«Только бы подошел!» – мысленно взмолилась Ирина и поднялась на крыльцо. Очищенный от сгнивших досок, там чернел прямоугольный проем.

– Ну, Господи, благослови, – с замирающим сердцем произнесла она.

Отпиленный кусок пришелся точно по размеру. Прибить его было делом пятнадцати минут. Никогда еще Ирина не чувствовала себя такой счастливой. Ее прямо-таки распирало от гордости. Наконец-то она была в центре внимания и ее усилия по латанию дыр и прочему облагораживанию окружающей среды подручными средствами нашли восторженных почитателей...

– Ну и кто так прибывает? – раздалось за спинами подруг, и все трое, испуганно ойкнув, повернулись. – Все крыльцо изуродовали, б... безрукие. – Почему-то возникло ощущение, что хотели употребить совсем другое слово и только в последний момент с трудом нашли, чем его заменить.

Так и есть, на тропинке, ведущей к дому, подбоченившись стоял Гоша и презрительно ухмылялся. В уголке его рта, как сигарета, торчал обломок веточки. Одет он был так же, как при первой встрече с Татьяной, только вместо упомянутой тенниски на нем была серая фуфайка с закатанными рукавами. Поверх нее сияла золотая цепь.

– Да что вы себе позволяете? – возмутилась Ирина, которую так бесцеремонно низвергли с небес на землю.

– Почему это вы разгуливаете по чужой территории, как по своей собственной? – осмелев в присутствии подруг, строго осведомилась Татьяна.

– Шли бы вы к себе и не мешали бы нам, – миролюбиво посоветовала мужику Людмила, которой хотелось любой ценой сохранить радостное возбуждение.

– Вы так орали, что мне любопытно стало: чем это вы тут занимаетесь? – снизошел до ответа Гоша. – А делов-то – дыру заделывали! Ну... курицы.

Покачав головой, он сплюнул на землю, умело удержав веточку зубами. Не попрощавшись, Гоша не спеша удалялся в ту сторону, где прежде стоял забор. Прежде, но не теперь.

– Господи, он же его сломал, – испуганно прошептала Татьяна. – Теперь наши участки ничто не разграничивает. А вы видели, какой он... страшный?

– Действительно, смахивает на бандита, – кивнула Ирина, которая так и стояла с молотком в руке во время всего этого разговора.

Людмила же молча проводила мужика задумчивым взглядом.

Всем троем стало не по себе, да и было от чего. Наступило тягостное молчание. Но тут со стороны дороги донеслось радостное:

– Танечка, что, уже переехали? И Полина Денисовна с вами?

Это была владелица одной из дач на параллельной улице. Особа жизнерадостная и общительная.

– Нет еще, Вера Никитична, только дом вот решили проветрить после зимы! – крикнула Татьяна и шепотом добавила подругам: – Теперь он знает, что о нашем приезде известно. Сегодня нам ничто не угрожает. А чуть позже я схожу к ней и разузнаю о нашем соседе. Она всегда все знает. – Затем снова прокричала женщине на дороге: – А как только мама здесь обоснуется, сразу же к вам зайдет. Не возражаете?

– Буду только рада! Ну, пока! – помахала рукой Вера Никитична и продолжила свой путь.

Настроение у подруг заметно улучшилось. Теперь они не ощущали себя выкинутыми на остров, где обитает один лишь кровожадный людоед. Вокруг были люди, многие из которых помнили Танечку еще с детства.

В голубой беседке устроились со всеми удобствами. Правда, голубой она была в своей далекой юности, когда ее только покрасили. С тех пор пару раз в год кто-нибудь из обитателей дачи задумчиво произносил: «Да, надо бы освежить красочку», – считая, что этого вполне достаточно.

– Надо бы освежить красочку, – сказала Татьяна, любовно проводя рукой по столбику, поддерживающему крышу. Блекло-голубые шелушинки полетели на нее, и она, отдернув ладонь, поспешно стряхнула их с себя. – Но сейчас не до этого. – И выразительно посмотрела в сторону соседнего участка.

Подруги проследили за ее взглядом и сочувственно вздохнули. Однако долго предаваться мрачным размышлениям не позволило безмятежное весеннее окружение.

- Даже в наше беспокойное время надо постараться найти управу на этого типа...
- Наверняка не все так безнадежно, как кажется на первый взгляд...
- Да-да, и я об этом...

– А может, забор сам упал? – неожиданно предположила Людмила.

Чтобы проверить, так ли это, надо было встать и пройти по тропинке, усыпанной жухлой прошлогодней листвой и упавшими ветками. Но стол уже манил своим натюрмортом.

– Все, забыли о проблемах! – скомандовала Ирина, и это было именно то, что нужно.

Сидели с удовольствием, нахваливая Татьянины разносолы, поминутно сбиваясь на обсуждение домашних забот. И чем дальше, чем громче смеялись.

– О, вот кто нам нужен! – вдруг воскликнула Татьяна, ненароком взглянув в сторону дороги. – И как это я могла забыть про Степаныча?

– Степаныч, это кто? – спросила Ирина, с трудом отрываясь от самозабвенных жалоб на бесчувственного Севочку.

– Местный мент, – сообщила подруга. – И сейчас как раз время его обхода.

– Надо же, обход. У вас тут все по-серьезному, – уважительно заметила Людмила.

– А как же, Степаныч знает, когда люди за стол садятся, – объяснила хозяйка дачи.

Николай Степанович Ныдбайло был невысок, объемист и неспешен. Торопливость была ему просто противопоказана, с его-то животом, выдающимся вперед, как волнорез на моле. В жаркую погоду он через каждые несколько шагов останавливался, снимал фуражку и постепенно вытирал лысину, лицо и шею огромным клетчатый платком, потом снова надевал фуражку.

Его сопровождала, отстав на полшага, Матильда фон Оффенбах, купленная по милицескому случаю шибко породистая овчарка иноземных кровей. Мотя, как ее теперь величали по-простому, толщиной не уступала хозяину, а неспешностью так даже превосходила его. При взгляде сверху она напоминала обросший густой шерстью широкий диван на ножках, который при этом еще и двигался, правда с черепашьей скоростью.

Когда – в критические дни – Мотю начинали одолевать поклонники, она просто садилась на землю необъятным задом и, прикрыв глаза, впадала в дрему. Сдвинуть ее с места не представлялось возможным. Поняв тщетность своих усилий, окрестные псы, с тоской во взоре, отправлялись на поиски более сговорчивых красавиц.

Из меланхолического состояния Мотю мог вывести только вид еды. Все равно какой. Задабриваемая дачниками, как представительница правоохранительных органов, она очень скоро научилась употреблять любую пищу – от малосольных огурчиков до пирожных с кремом. Правда, спиртного в рот не брала, хотя находились охотники подпоить бедную животинку. Ну кто же не пьет на халяву?! Мотя же упрямо воротила морду.

Когда неразлучная парочка мелькнула точно позади их кустов сирени, Татьяна бросилась к калитке.

– Здравствуйте, Николай Степанович, – поздоровалась она с милиционером. – Как здоровье?

– Спасибо. Все путем, все путем, – произнес он и осведомился: – Когда переезжать будете или уже переехали?

Остановившаяся рядом с ним Мотя устремила взгляд на руки женщины, и недоумение тут же отразилось в ее глазах. В руках ничего не было! Как же так?

– Нет еще, – ответила Татьяна и заговорщически понизила голос: – А вы не зайдете к нам, не составите компанию? Поговорить надо...

– Отчего же не зайти, – ответил Степаныч и вплыл в предупредительно распахнутую калитку.

Направление он выбрал сам, причем безошибочно.

– Здравствуйте, девоньки, – поприветствовал местный страж правопорядка собравшихся за столом и тяжело опустился на скамью.

Мотя, с сомнением посмотрев на ступеньку, ведущую к беседке, решила себя не перетруждать и, одновременно подогнув все четыре лапы, рухнула на землю. При этом бока ее заходили как потревоженный студень.

Гостю тут же наполнили тарелку и предложили рюмочку. Но он отказался, окинув этикетки на бутылках опытным взглядом.

– Не надо, мне еще две улицы осталось обойти. А вот от пирожков мы с Мотей не откажемся. Правда, собаченька?

Собаченька не ответила, но чуть повела ухом. Под морду ей тотчас была поставлена пластиковая тарелка с куском курятины и парой пирожков. Мотя попыталась было слизнуть их, не поднимая головы, но язык оказался коротковат. Пришлось чуть приподняться и вытянуть шею.

Угостившись на славу, Степаныч дал понять, что готов слушать.

– Скажите, а вы не знаете, куда подевалась Семеновна? Она что, дачу продала? – спросила Татьяна с замирающим сердцем.

– Продала.

– Так где ж она теперь жить-то будет? У нее ни дома, ни родных.

– Да нашлись вроде родственники... не то в Краснодарском, не то в Красноярском крае, – ответил Степаныч.

Похоже, худшие Татьянины предположения оправдывались.

– И вас ничто не насторожило?

– Чего настораживаться-то? Все чин чинарем, по закону оформлено. Не сомневайся, – успокоил Татьяну Степаныч. – Или новый сосед тебе приглянулся, а? Вот справки и наводишь...

Его собеседница зарделась, смущенная подобным нелепым и нелестным, на ее взгляд, предположением. Людмила же неожиданно поинтересовалась:

– А этот Гоша женатый или холостой?

Потрясенные неуместным вопросом подружки, округлив глаза, уставились на нее. Степаныч же, крикнув, сообщил:

– Холостой или разведенный, не скажу, но то, что свободный, – это точно. Так что, девоньки, бог в помощь, если приглянулся. И башковитый, я вам скажу! У него все схвачено... Ну да ладно, пора мне. Мотя, подъем!

Мотя чуть приподняла хвост и тут же обессиленно его уронила, демонстрируя этим готовность следовать за хозяином. Затем с трудом встала и зевнула во всю пасть с неожиданно крепкими белыми клыками.

– Постойте! – воскликнула Татьяна. – Этот Гоша нам забор сломал, и вообще он похож на бандита!

– А-а, ерунда, – беспечно отмахнулся Степаныч, направляясь к калитке. – Сейчас все на кого-нибудь похожи, один я на самого себя. Правда, собаченька?

Когда парочка скрылась из вида, Ирина раздраженно бросила:

– Наверняка девиз вашего Степаныча: «Когда убьют, тогда и приходите»! Сейчас еще расскажет твоему соседу, что мы им интересовались.

Переглянувшись, они, не сговариваясь, прокрались к кустам бузины, росшим на границе двух участков, и затаились.

Как раз вовремя. Степаныч и Гоша беседовали, разделенные шатким штакетником. Причем милиционер вроде как отчитывался, а его собеседник слушал, недовольно нахмурившись и с ожесточением грызя обломок веточки.

– Чтоб ты сучком подавился! – прошипела сквозь зубы Ирина. – А ты – нашими пирожками, мент продажный! Дружки-приятели прямо.

– Ты только посмотри, он его даже на участок не пустил, а Степаныч ему чуть ли в глаза не заглядывает! – поддакнула Татьяна.

Людмила же снова промолчала, при этом вид у нее был задумчивый, чуть ли не мечтательный.

– Знаете, если этого Гошу побрить, постричь и переодеть, он будет очень даже ничего, – наконец произнесла она. – И обратите внимание, ни одного матерного слова в нашем присутствии.

Татьяна, охнув, чуть не села на землю. Ирина потрясенно уставилась на подругу:

– Слушай, Степаныч, часом, не твой родственник? Что-то мыслите вы одинаково, слишком уж благодушно. Бедную Семеновну прикончил, теперь, глядишь, Таньку с ее бабушками со света сживет, а ты его стричь-брить собираешься! Может, нам его тоже чаем с пирожками угостить для начала, а?

Подруга тряхнула головой, словно прогоняя наваждение, и, усовестившись, покаянно произнесла:

– Простите. Просто... просто мне хотелось постараться развеять наши страхи и найти более позитивное объяснение сложившейся ситуации. Но, вы правы, фактов для этого мало-вато.

Ее собеседницы облегченно перевели дыхание. Они направились к дому, собираясь наконец-то открыть ставни и двери, чтобы впустить в помещения свежего весеннего воздуха.

Дневной свет осветил царящее в комнатах пыльное запустение. Но это было милое сердцу запустение, в нем угадывались черты уютного, знакомого родного очага. Старые, свезенные на дачу за ненадобностью вещи смотрелись здесь удивительно к месту и навевали щемящие душу воспоминания о близких людях, о счастливом, беззаботном детстве.

Затопили печь, вынесли на солнышко подушки и матрасы, развесили на заборе перед домом одеяла. Вымыли пол на террасе и в одной из комнат...

– Как же не хочется уезжать отсюда, – с тоской произнесла Ирина, когда после трудов праведных они снова сели пить чай из самовара на террасе.

– А может, отпросишься еще и на воскресенье? – спросила с надеждой Татьяна. – Ну, не помрет же твой Сева без тебя!

– Не помрет, – кивнула подруга. – Может, даже разрешит остаться здесь еще на день, но таким тоном, что я тут же почувствую себя последней бессердечной сволочью.

– А давай я ему позвоню, – неожиданно предложила Татьяна.

Татьяну Сева выделял из числа подруг жены. С ней Сева даже подолгу беседовал, если ему случалось взять трубку, когда Татьяна звонила. Он считал, что такая домашняя, тихая, покладистая женщина не может не привлекать внимания мужчин, и не понимал, как это муж променял ее на другую. Еще он точно знал, что у нее есть сын и как его зовут. Даже интересовался успехами Павлика на фотографическом поприще.

Словом, это была замечательная идея.

– Звони, – кивнула Ирина и, нажав нужную кнопку, протянула подруге свой сотовый.

Разговор с Севой продолжался довольно долго, причем на отвлеченные темы. А когда Татьяна перешла к главному, то, казалось, не успела даже договорить просьбу, как радостно завершала:

– Ой, спасибо большое, Сева! А то мы тут так хорошо сидим... Нет, что вы, только я, Ира и Люда... Хорошо-хорошо. Спасибо за приглашение!

Она с победным видом вернула подруге сотовый, не отказав себе в удовольствии ехидно заметить:

– И все ты на него наговариваешь, Ирка. Муж у тебя просто лапочка. С ним всегда можно договориться.

– Посмотрим, что эта лапочка скажет мне, когда я вернусь, – возразила подруга и тут же радостно сменила тему: – Однако об этом я буду беспокоиться, открывая входную дверь квартиры. А сейчас я разовью бурную деятельность, если не возражаете.

Впрочем, мнение подруг ее мало интересовало. Глаза у Ирины уже горели, на лице отражалась бурная работа творческой мысли. Непочатый край для самой разнообразной деятельности – это ж надо как подфартило!

До наступления сумерек она успела убрать прошлогоднюю листву вокруг тюльпанов, посадить к ним несколько кустиков незабудок и притащить с дороги валун, чтобы подчеркнуть изящество и трогательность цветов. Из приготовленной на выброс дырявой кружевной скатерти смастерила очаровательную занавесочку для окна в мансарде. Переставила мебель в основной, называемой большой, комнате. И приделала отломанную ручку к крышке от кастрюли, в которой по традиции уже лет тридцать отваривали грибы. Ирина уже стала подбираться к луже под водопроводным краном, собираясь при помощи виденного в сарае – глаз как у орла! – детского надувного бассейна превратить ее в маленький водоем.

– Правда же симпатично получится? – воскликнула она, обращаясь к подругам, однако неожиданно не нашла у них поддержки.

– Я просто устала смотреть на тебя. Угомонись! – взмолилась Татьяна. – Ты то там, то здесь, и все на третьей космической скорости! От тебя уже в глазах рябит!

– Да, Ирка, мы тут из-за твоей неутомимости чувствуем себя лентяйками и бездельницами. Не дави на психику своим энтузиазмом, – поддакнула ей Людмила. – Пошли лучше телевизор смотреть.

Ирина виновато потупилась:

– Я же вам не в укор. Я же хотела как лучше...

– И это у тебя получилось, не в пример нашим власть предержащим, – заверила ее Татьяна. – Но, как говорит моя мама, всему свое время.

– А сейчас время смотреть «Чисто английское убийство», – безапелляционным тоном заявила Людмила.

Этот сериал любили все трое, хотя в отношении других телепередач вкусы подруг разнились...

– Девочки, вы обратили внимание, как в этой их аглицкой глубинке людей укокошивают – не по одному, а, как правило, пачками? – спросила Людмила, удобно устраиваясь в плетеном кресле, которое в летнее время всегда стояло на террасе.

– Знаешь, я больше смотрю, как у них там посуда в буфетах расставлена, что за картины на стенах висят, как цветочки посажены. Эх, нам бы такую деревню, – с мечтательным вздохом произнесла Ирина.

Впрочем, неспешно разворачивающийся сюжет с довольно симпатичными, совсем нестрашными убийствами ее тоже увлекал. Жители Туманного Альбиона, даже если по злому умыслу судьбы оказывались сущими отморозками, все равно сводили счеты друг с другом совсем не так, как лыткаринские или, например, солнцевские братки. А уж об остальных жителях и говорить нечего...

Глава 4

Из трех подруг Людмила прочнее всех стояла на земле – и в силу особенностей характера, и в силу сложившихся обстоятельств. Муж Володя весьма ненавязчиво еще в самом начале их совместной жизни дал понять, что его обязанность – зарабатывать деньги, а жены – тратить на благо семьи, их общее благо.

И не прогадал ведь, мерзавец. «Его бы побольше загружать домашними проблемами, тогда бы не смотрел на сторону, – размышляла Людмила, лежа в постели под теплым одеялом и глядя на звезды за окном. – Вон в сегодняшнем детективе героиня убила мужа-баронета и за меньшие прегрешения». Правда, им было еще и что делить – охотничьи уголья, дом, похожий на дворец. Мысли плавно перетекли сначала на их общую с мужем недвижимость – домик под Гжелью, доставшийся в наследство от Володиного дядьки, потом на развалюху, под крышей которой она так славно сейчас устроилась.

Дом, конечно, держался на одном честном слове, но участок-то был огромный. Как и соседний. Стоило это все наверняка многие и многие тысячи. Одним словом, завидная добыча. Однако сейчас убивают, если судить по сообщениям СМИ, и за пачку сигарет, а то и просто так. Только не очень-то верилось, что с Татьяниной соседкой случилось нечто подобное. Всегда кажется, что самое плохое может произойти с кем угодно, только не с тобой и не со знакомыми тебе людьми. Так жить все-таки спокойнее.

Да и не тянул, в глазах Людмилы, этот Гоша на отпетого преступника. Хотя, слов нет, его внешний вид и манеры впечатляли. И с Семеновной он вполне мог обойтись не лучшим образом – кто ж теперь считается с одинокими стариками? Но не порешил же!

Почему-то Людмиле очень хотелось в это верить. И, покопавшись в себе, она поняла почему. Вся в душевном разброде из-за подлого поведения Володьки, Людмила все больше склонялась к мысли отплатить ему той же монетой. К тому же прожить жизнь с одним мужчиной теперь считалось чуть ли не сексуальной патологией. А тут еще этот мужчина оказался подлым изменщиком. И вот неосознанно она стала примерять на роль возможных возлюбленных знакомых мужского пола. Не нашлось никого стоящего – лысые, пузатые или тощие и сутулые, говорят только о своих болячках и о футболе. А если мало-мальски привлекательны, то строят из себя неизвестно что.

А Гоша ее определенно впечатлил. Она инстинктивно чувствовала в нем мужскую силу – крепость мышц и крепость суждений, умение добиться своего, рассчитывая только на собственные силы, и постоять за себя, не прибегая к помощи посторонних...

Ощувив смутное томление, Людмила решила остудить пыл, прогулявшись до небольшого домика на границе участка.

– Единственное из здешних сооружений, которое нас переживет, – с грустной улыбкой заметила хозяйка дачи по приезду, напоминая подругам где что находится.

Туалету этим летом пошел седьмой год – по сравнению с остальными постройками грудничковый возраст. Романтически настроенная и одновременно боязливая Татьяна на ночь оставляла в нем горящую свечу в металлическом фонарике, и мягко светящаяся полоска под дверью и проем в форме сердечка выглядели маняще в непроглядной ночной деревенской мгле.

В бледно-лимонном тренировочном костюме Людмила вышла на крыльцо, полюбовалась звездами и, поевившись, не спеша направилась к домику. Ей казалось, что вокруг нет ни души, как вдруг с соседнего участка донеслось еле слышное:

– Глянь, привидения на свет потянулись, – и далее хриловатый смешок.

– Тсс... Ты не отвлекайся, ты давай таскай. – Этот голос был ей знаком, и принадлежал он Гоше.

Людмила испуганно оглянулась и только сейчас заметила, что в двух окнах соседнего дома горит свет. Нет, не одна она бодрствовала в этот поздний час, и на улице была не одна.

Метнувшись к заветному домику, Людмила быстро скрылась за дверью. Выходила она, предварительно задув свечу и крадучись. С соседнего участка не доносилось уже ни звука, свет в окнах погас. Не в силах совладать с любопытством, Людмила направилась к зарослям бузины, откуда днем они втроем наблюдали за беседой мента Степаныча с новым Татьянинным соседом.

Шла она затаив дыхание и глядя под ноги, чтобы не наделать лишнего шума. Но видимо, не сориентировалась в темноте и сбилась с дороги. Вместо кустов бузины путь ей неожиданно преградила куча кирпичей и бумажные мешки с неизвестным содержимым. Ни того ни другого вроде бы не было, когда Людмила с подругами ложилась спать.

«Вот те на! И когда это он успел?» – пронеслось в голове. Да и звука подъезжающей машины вроде бы не было слышно. Как же тогда все это здесь оказалось и почему ночью?..

– Ну и чего ты тут забыла? – Людмилу цепко схватили за локоть и резко развернули. – Отвечай!

Сдавленно охнув, она оказалась лицом к лицу с Гошей. Подняла глаза – и ей стало страшно. Да, у него точно были крепкие мышцы и еще холодный пугающий взгляд.

– Я... я просто вышла подышать свежим воздухом, – пролепетала Людмила, стараясь унять разошедшееся сердце. – Разве не ясно?

– А почему на чужом участке?

– Как это на чужом? На своем...

– Да ну?

Людмила скосила взгляд через плечо и увидела, что кусты бузины остались позади нее. Она оказалась наедине с мужчиной, которого совсем недавно представляла чуть ли не в интимной обстановке. Впрочем, обстановка была более чем интимная: тишина, ночь, звезды, вокруг ни души – вот только располагала она лишь к одному – к паническому бегству. Представься такая возможность, естественно.

– Отпустите меня, пожалуйста, – попросила Людмила как можно жалобнее. – Я же не сделала вам ничего плохого.

– Это как посмотреть. Сначала втроем в кустах сидели, подглядывали, теперь ты ночью вокруг моего дома шляешься. Чего задумали? – Гоша как-то нехорошо посмотрел на нее, и она подумала, что, прежде чем предаваться мечтам, надо поточнее выяснить, с кем предстоит иметь дело.

С Гошей иметь дело Людмиле явно расхотелось. Вот Володька никогда не стал бы так грубо разговаривать с женщиной, да еще видя, что та его боится. А этот только сильнее стиснул ее локоть и угрожающе сообщил, приблизив лицо:

– Не отпущу, пока не ответишь.

– Да нечего отвечать, – прошептала Людмила, невольно отшатнувшись. – Просто мы хотели узнать, что стало с Натальей Семеновной. Таня говорит, у нее родных нет и кроме этого дома, – она подбородком указала на темнеющее в ночи строение, – жить негде.

– Так пришил я старушку, – с наигранным циничным смешком ответил Гоша. – И в подвале закопал. А сейчас на этом месте новый дом построю, и все будет шито-крыто. Устраивает?

– Что – устраивает? – непонимающе уставилась на него Людмила.

– Такое объяснение событий. Ведь другое, как я понимаю, вам не подходит. – Он снова усмехнулся, на этот раз раздраженно. – Я вам не мешаю, и вы мне не мешайте, тогда все будет отлично...

Гоша толкнул ее в том направлении, откуда она пришла, и разжал пальцы.

– Так и передай своим подружкам. Особенно этой... курице.

– Курице? – Людмила, собравшаяся было уносить ноги, раз представилась такая возможность, замерла на месте и удивленно переспросила: – Курица, это кто?

– Да хозяйка дачи, Татьяна, кажется. Ее бы участок да в хорошие руки.

– А-а... – продолжила она, лишь когда достигла спасительной территории соседнего участка.

– Уж не в ваши ли? – язвительно поинтересовалась Людмила, смелая оттого, что их с собеседником разделяют метров пять заросшей сорняками земли и три колючих куста крыжовника.

– Вот именно, вот именно, – ответил Гоша и улыбнулся. Ласково так улыбнулся, как Серый Волк, когда, нацепив на себя чепец с оборками, он заговаривал зубы Красной Шапочке.

«Бедная Танька, – с дрожью подумала Людмила, впервые по-настоящему испугавшись за подругу. – Этот тип точно сожрет ее и не подавится и тремя ее бабушками закусит...»

Она плохо помнила, как добралась до своей постели. Но, оказавшись под одеялом, сразу же почувствовала себе спокойнее, как в детстве, когда от любых страхов можно было избавиться, накрывшись с головой.

Мысль заработала, и вскоре Людмила решила, что если о ее ночном общении с Гошей рассказывать совсем не обязательно, то о его вполне осуществимых планах захватить участок сообщить надо...

Проснувшись она с той же мыслью, словно и не было семи часов крепкого здорового сна на свежем воздухе. «Ну надо же, – удивилась Людмила, – я вроде бы сплю, а мозг бодрствует. И что, интересно, он надумал?» А ничего, как выяснилось. Хотя решить ему надлежало несколько проблем.

Во-первых, как поведать обо всем Татьяне, не ввергая ее в состояние парализующего волю ужаса? Во-вторых, как оставить в неведении букет из трех божьих одуванчиков, которые не сегодня завтра в радостном возбуждении откроют дачный сезон? И в-третьих, в чем может заключаться их с Иркой помощь и содействие, когда супротив одного Гоши они и втроем не потянут?..

Из печальных размышлений ее вывели громкие голоса и звяканье посуды на террасе. Итак, подруги уже поднялись и собираются завтракать, сейчас придут ее звать. Людмила решила опередить их и, поспешно одевшись, вышла из комнаты.

– Всем привет! Сейчас умоюсь и буду как огурчик! – пообещала она, потягиваясь с удовольствием.

– Доброе утро! – хором поприветствовали ее.

Пахло оладьями, на столе стояли варенье и заварочный чайник, накрытый салфеткой.

– Я мигом! – крикнула Людмила, увидев все это, и выскочила на улицу.

Под водопроводным краном красовалось ведро, стоящее в круглой только что вырытой яме, а рядом валялся спущенный бассейн времен счастливого советского детства.

«Уже успела выкопать. Ну Ирка, ну молодец! – мысленно восхитилась Людмила. – Просто передовик труда!»

Пристроившись так, чтобы ничего не порушить, она умылась ледяной водой, повизгивая и пофыркивая от удовольствия. Затем легкой трусцой направилась к дому. «Здесь так легко забываешь о возрасте, – подумала она. – Словно и не выставит тебя через... через энное количество лет на пенсию руководство, на которое ты безропотно горбатилась, позволяя ему жить не то в сияющем коммунистическом завтра, не то в сытом, комфортном капиталистическом сегодня...»

Завтракали как-то суетливо. Людмилу одолевали тревожные мысли, которыми требовалось немедленно поделиться. Ирине явно не терпелось вернуться к прерванным ланд-

шафтным работам. Только хозяйка все подкладывала и подливала гостям, радуясь, что она здесь не одна.

«Так вечно продолжаться не может», – подумала Людмила и решилась:

– Девочки, я должна сообщить вам пренеприятное известие...

Эта фраза, естественно, была воспринята как предлог для демонстрации остроумия.

Татьяна закатила глаза и мечтательно произнесла:

– Ревизор, к нам едет ревизор. Он ведь мужчина, да, я правильно понимаю, девочки? Широкоплечий такой, мускулистый... И мы тут, три непуганые, трепетные лани...

– Если он широкоплечий и мускулистый, пусть лучше мне ямку докопает, – высказалась более приземленная Ирина. – Ее углубить надо, а то бортики бассейна будут...

Разговор пошел не по тому руслу, и нужно было срочно менять тональность беседы.

– Все гораздо серьезнее, чем вы думаете, – строго произнесла Людмила и окинула развеселившихся подруг мрачным взглядом.

Те мигом приутихли, проникнувшись ее пессимистическим настроением.

– Говори, – тихо попросила Татьяна и ощутила, как по спине пробежал холодок дурного предчувствия.

Людмила набрала в грудь побольше воздуха, собираясь с мыслями и духом, и начала:

– Я тут ночью выходила и заметила на соседнем участке кирпичи...

– Ну и что? – воскликнула Татьяна, стремясь всему найти устраивающее ее объяснение. – Естественно, этот Гоша будет строиться! В доме Семеновны, как, впрочем, и в нашем, – она вздохнула, – можно жить только положившись на русское авось!

– Не перебивай, – осадила ее подруга. – Кирпичи кирпичами, но то, что он сломал еще и забор, навело меня на грустные размышления. А не собирается ли он и ваш участок со временем захватить. Как думаешь, Тань?

– Но его же дали еще моему дедушке, за заслуги в области электрификации страны! – возопила она.

– Это теперь не аргумент, – рассудительно заметила Ирина, подумав при этом, что, возможно, ее декоративный бассейн достанется отпетому бандиту, который ничего не смыслит в прекрасном.

– А может, все не так страшно? – спросила Татьяна, очень надеясь, что подруги ее успокоят.

– Страшно, страшно, – заверила Людмила. – Уж поверь моей интуиции. – Говорить о том, что дело не в одной только интуиции, она, естественно, не стала.

– И что теперь? – обеспокоенно произнесла Ирина.

– Вот это-то и предстоит решить! – заявила Людмила, и подруги незаметно для себя признали за ней роль вожака их маленькой компании.

Думали долго, высказывали разные версии развития событий, строили планы, все больше обороны, а не атаки, при неблагоприятном стечении обстоятельств. И время от времени поглядывали в сторону соседнего участка. Там было тихо и безлюдно.

«Отсыплются, гады, после трудов неправедных», – мимоходом подумала Людмила. Сколько их там точно, ей было неизвестно, но то, что как минимум двое, знала наверняка.

Когда наступило время обеда, подруги так и не пришли ни к какому решению.

– На сытый желудок думается лучше, – изрекла Татьяна и направилась к плите.

Строить планы и целеустремленно им следовать – не ее стезя. Если большинство людей, как написано в школьном учебнике, произошли от обезьян, то Татьяна – от страуса. И была об этом прекрасно осведомлена. «Авось пронесет», – мысленно повторяла она, пока подруги ломали голову над тем, как ей помочь...

Обед, увы, не оправдал их надежд. После него потянуло понежиться на солнышке. Вытащили шезлонг, повесили гамак с той стороны дома, где их никто не мог видеть. Ирина устроилась возле ямы под краном, лениво ковыряясь в земле. Но вскоре снова вошла в азарт и спустя каких-то тридцать минут с деловым видом удалилась в сторону сарая. Появилась она с плетеной корзиной в руках.

– Никак по грибы направляешься? – приоткрыв один глаз, подала из гамака голос Татьяна.

– Нет, камни буду собирать, – ответила Ирина бодрым тоном.

– О, это что-то библейское... – уважительно протянула подруга. – А зачем?

– Дно бассейна буду выкладывать, – донеслось уже от калитки.

– Мне бы твою энергию, – не без зависти заметила хозяйка дома и, откинувшись на подушку, снова блаженно закрыла глаза.

Людмила в диалоге не участвовала по причине сладкой дремы. На своем участке ей до такого чудесного состояния в светлое время суток дойти никогда не удавалось...

Ирина медленно шла по дороге к озеру, время от времени наклоняясь, чтобы поднять стоящий камешек. Но не только камешки были ее целью – очень хотелось поглядеть, что творится на соседнем участке. Ей показалось, что Людмила что-то недоговаривает и ее слова о захвате чужой территории основаны не только на интуитивных предположениях.

Так и есть, Гоша стоял лицом к Татьянинному дому и что-то говорил, жестом обводя обе территории разом. Обращался он при этом к мужику, который по всем статьям подходил под описание работяги и уголовного элемента одновременно. Тоже небритый, нестриженный и одетый в тельняшку, с огромной татуировкой на бицепсе.

«Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты», – тут же вспомнила Ирина популярную поговорку.

– А вот и одна из них! – воскликнул Гоша, мгновенно поворачиваясь лицом к дороге. – Здравс-те. – И отвесил шутовской поклон.

Ирина почувствовала себя застигнутой врасплох. Кивнув и пробормотав под нос ответное приветствие, она заторопилась прочь, вперив взгляд в пространство перед собой. Но увидела она достаточно: джип с наружной стороны ограды, подъездной путь к воротам, развороченный колесами грузовика... Правда, это говорило лишь о намерении нового хозяина обзавестись добротным жилищем. Кроме наглой усмешки в свой адрес и собственнического жеста, Ирина при всем желании не могла обнаружить ничего угрожающего благополучию ее подруги. Однако на сердце тем не менее стало еще беспокойнее...

Когда она, вкопав бассейн в землю, выкладывала его дно вымытыми в ведре с водой камешками, подбирая их по цвету и размеру, появились ее товарки и остановились рядом, нависнув над ней.

– Ну, видела чего-нибудь? – без обиняков спросила Людмила.

Она поняла, о чем ее спрашивают. И ответила утвердительно, добавив, что, кроме внешности мужиков, да еще собственнического жеста Гоши, который можно было истолковать по-разному, придратся, по совести говоря, не к чему.

– Мне и этого достаточно, чтобы не спать по ночам, содрогаясь от страха, – призналась Татьяна. – А как я своих бабулек тут одних на целый день оставлять буду? Гоша их может запросто напугать до смерти! Они же интеллигентные и родились чуть ли не при государе императоре!

– Ну-ну, не преувеличивай, – хмыкнула Ирина. – Они тебе этого не простят, особенно Августа Илларионовна. Старушка себе и так, говорят, годков с десятков по документам ско-стила!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.